

УДК 261.6

РАЗВИТИЕ СВЕТСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ВО ФРАНЦИИ (1802–1832 гг.)

А. Г. Шестакова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ashestakova@mail.ru

В статье исследуются знаковые светские произведения, посвященные католицизму, изданные во Франции в первой четверти XIX столетия. В центре внимания автора – феноменология повседневности, отражающая преодоление постреволюционного мировоззренческого коллапса.

Ключевые слова: де Шатобриан, де Местр, де Бональд, де Ламенне, католическая идеология, либерализм.

The Development of the Secular Catholic Ideology in France (1802–1832)

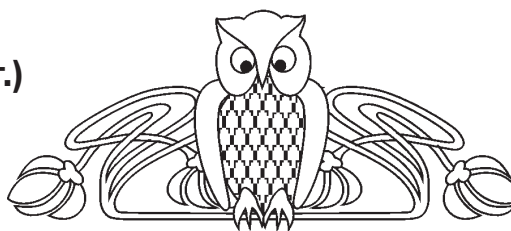
A. G. Shestakova

The article examines the iconic secular works, devoted to Catholicism, published in France in the first quarter of the nineteenth century. In the spotlight there is the phenomenology of everyday life, reflecting the post-revolutionary overcoming of the ideological collapse.

Key words: de Chateaubriand, de Maistre, de Lamennais, de Bonald, Catholic ideology, liberalism.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-184-188

Светские произведения на религиозную тему – ценный источник, по-своему незаменимый в процессе изучения и осмысления глобальных мировоззренческих коллизий. Однако следует видеть полезность и важность такой литературы не только в смысловой стилистике или в подборке комментируемых фактов. По примеру «школы «Анналов» современные специалисты всё чаще сосредотачивают внимание на содержащихся в них деталях – «обрывках мыслей» и «осколках чувств» – которые надолго и без конъюнктурных изъятий сохраняются именно в таких письменных памятниках минувшего времени. Несмотря на субъективный характер, их достоверность гарантирована, прежде всего, тем, что сами авторы зачастую также не подозревали о потаенных смыслах проделанной работы. С точки зрения философии всё – отражение хабиутализации пространства и времени: для автора его эпоха – это его дом, часть его личной биографии, его интимных переживаний¹. Как следствие, личный опыт писателя как бы расщепляется: «привычное» мышление, базис повседневной безопасности не позволяют ему «подняться на вершину горы», оторваться от контекста происходящего. Столь сложное переплетение «субъективного» и «объективного» в интеллектуальном творчестве, без сомнения, решающим образом влияет на предлагаемую интерпретацию

событий. «В повседневной жизни, – справедливо отмечал Альфред Шюц, – человек лишь частично и избирательно заинтересован в ясности своего знания, то есть в полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют»². Таким образом, светские произведения начальных десятилетий XIX в., посвященные судьбам католицизма, могут быть представлены в качестве обязательного для анализа нарративного ресурса, отображающего подлинные масштабы влияния и авторитета Римской католической церкви (далее – РКЦ).

XIX столетие – время расцвета гуманитарного знания в Европе. В этом бурном творческом процессе по-прежнему лидировала «старушка» философия, переживавшая очередной подъём в связи с рождением ницшеанства, марксизма, позитивизма и утилитаризма. Однако наряду с этим следует отметить появление и новых дисциплин гуманитарно-мировоззренческого цикла, например социологии. Очередные подвижки в сторону доминирования научной прагматики в сфере миропознания до основания потрясли традиционные духовно-нравственные и конфессиональные основы европейского мира. Поскольку Римско-католическая церковь по-прежнему претендовала на роль доминирующей системы убеждений, она также оставалась активным действующим лицом – «положение обязывает» – явно активизировавшегося процесса трансформации социального мировоззрения. Всё это помогло Риму и его светским сторонникам не только сохранить, но и упрочить собственные идейные позиции.

Наиболее активно и убедительно защитники критикуемой церкви заявили о себе во Франции, которая к тому времени прочно воспринималась как законодательница мод в политике и в общественной жизни. Видный политический деятель революционной эпохи, генерал Шарль Франсуа Дюмурье (1739–1823), справедливо отмечал: «Франция, несмотря на многочисленные свои ошибки, – всегда очаг света Европы»³. Показателен тот факт, что наиболее яркие произведения, посвященные в это бурное время РКЦ, были написаны именно литераторами-французами. Вне всяких сомнений, появившиеся тогда светские религиозные сочинения, ясно обозначившие подъем христианской идеологии, нуждаются во внимательном прочтении и специальном анализе. На наш взгляд, он мог бы существенно дополнить историю като-

лицизма и РКЦ, тем более что Ватикан оперативно и официально отреагировал на их публикацию.

В самом начале XIX в. в богословском мире царил настоящий шок. В 1805 году папа Пий VII писал нунцию в Вене: «К сожалению, церковь находится в такой большой беде, в таком глубоком унижении, что она не в состоянии использовать свои самые священные максимы... против восставших врагов веры»⁴. Такая констатация отражала невозможность осуществления привычной миссии Католической церкви, связанной с организацией влияния на социально-политическую и духовную жизнь Европы; миссии, которая на протяжении веков воспринималась ею как нечто само собой разумеющееся. При этом иерархам Церкви было трудно осознать и принять те масштабные перемены, которые произошли за считанные годы. По этой причине совершенно не удивителен тот факт, что глашатаем возрождения католического богословия ультрамонтанского толка стал не богослов, как можно было бы ожидать, а светский философ и писатель – Франсуа Рене, виконт де Шатобриан (1768–1848). Таким образом, апологетом католичества стал уроженец той страны, которая несколькими годами ранее нанесла Церкви наиболее сокрушительные удары. Однако, как писал позже английский кардинал Мэннинг (1808–1892), «французы всегда были католиками по духу», а «традиции католической веры пронизывали все население»⁵. Впоследствии к объяснению из разряда «коллективного бессознательного» был добавлен и ситуативный аргумент. Так, «Энциклопедия Британника» вполне справедливо связала описываемый «парадокс» со стремлением вернуться к закону и порядку после периода хаоса. Авторитетное издание констатирует: «ни в какой другой стране враждебное отношение к религии не достигало таких высот и не принимало столь гротескные формы; и, следовательно, никакая другая страна столь явственно не чувствовала свою тоску по религии, так как ее горький опыт продемонстрировал необходимость возвращения к закону и порядку»⁶.

Разумеется, потребность в религии была вызвана к жизни не только усталостью французов от революционных бурь, но и объективной необходимостью строительства нового государства, которое бы учитывало интересы всех социальных групп. В силу своей внутренней цельности и стройности, долгой истории, а также «вкрапления» в национальную культуру и мышление, католицизм стал, по сути дела, единственной точкой соприкосновения между противоборствующими силами в обществе.

Под воздействием всех этих факторов «Гений христианства» Шатобриана, вышедший в 1802 году, сразу же приобрел небывалую популярность: в течение только первого года издателям пришлось дважды допечатывать тираж, но и этого оказалось мало – по всей Европе стали появляться контрабандные тиражи популярной книги, и так продолжалось на протяжении после-

дующих двадцати лет. Современники называли это сочинение «блистательным». Заметим, что и до сего времени «Гений христианства» является одной из самых знаменитых апологий христианства. Сам Шатобриан объяснял, что создать эту поэму в прозе его подвигло стремление доказать, какой «всеобъемлющей, благородной, простой, божественной и драматичной»⁷ может быть религия, многократно осмеянная до этого. Философ обосновывал преимущество христианства перед языческими религиями Древнего мира тем, что они «не имели никакого отношения собственно к человеку, и представляли собой, самое большее, темы для размышлений философов или для песен поэтов. Наши [христианские] таинства, напротив, адресованы именно нам; они содержат в себе тайны нашей природы. И речь здесь идет не о тривиальной комбинации чисел, но о спасении и счастье рода человеческого»⁸.

Среди главных достоинств христианства Шатобриан называет человечность, а также разработанные правила чести и морали. Размышления философа приводят его к выводу, что вследствие своих очевидных преимуществ, христианство не может быть создано людьми, следовательно, оно – от Бога и воздействует посредством благодати. Следовательно, подвергать сомнению обоснованность его существования есть тяжкий грех, вызванный человеческой глупостью, замешанной на самом обычном тщеславии.

Поразительно, но, желая обосновать истинность христианства как единственной боговдохновенной религии Р. де Шатобриан на деле и в огромной степени способствовал секуляризации христианства. Неслучайно «Гений христианства» специалисты называют произведением, в котором христианство приобрело статус некоего отвлеченного мифа, мифа без догм, открытого для интерпретаций. Например, литературоведы обращают внимание на то, что автор в своих рассуждениях отталкивался не «от божественного», т. е. не от догматических постулатов, как было ранее до него, а «от человеческого», пытаясь оперировать «земными» аргументами⁹. Фактически, речь идет об изобретении Шатобрианом новой методологии исследования религии. Это означало, что в философском осмыслении христианства произошел грандиозный переворот, по своим масштабам и последствиям сравнимый с Французской революцией.

В то время как современники и сам Шатобриан считал «Гений христианства» восхвалением религии, в истории XX столетия родилась другая точка зрения. Ее суть: согласно генезису философии религии, сочинение французского мыслителя – не более чем предтеча культового труда британца Джеймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь» (1890), в котором был впервые артикулирован тезис, ставший непреложной истиной на Западе: любая религия – не более чем культурный феномен. Таким образом, в условиях существования общества

модерна, как никогда важным стало не только то, *что* говорится, но и то, *как* это говорится, а также умение читать между строк – для читателей, и предполагать такое умение – для писателей, поскольку сам Шатобриан, думается, меньше всего рассчитывал на подобный эффект восприятия.

Через 17 лет после публикации «Гения христианства» другой француз, Жозеф Мари де Местр (1753–1821), издал не менее знаменитое произведение ультрамонтанского толка – трактат «О папе» (1819)¹⁰. Это было первое популярное светское произведение, в котором затрагивалась идея о непогрешимости папы римского, обсуждаемая до этого только в кулуарах Ватикана и в кругу католических богословов. Более того – эта идея последовательно защищалась. Зерна, брошенные де Местром, дали бурные всходы через пятьдесят лет, когда непогрешимость папы римского *ex cathedra* стала догматом. Важно отметить: Ж. М. де Местр раскритиковал галликанизм, назвав действия его последователей «странным спектаклем докторов галликанизма, попытавшихся возвеличить свою нацию и через это пришедших к унижению, опровергнутых протестантскими теологами»¹¹.

В другом антигалликанском произведении, изданном двумя годами позже, де Местр сетует, что эта церковь забыла свое истинное место. По мысли писателя, она является вовсе не национальной церковью, а «провинцией католической империи»¹². Такая оценка галликанизма, высказанная французом, верующим католиком и влиятельным общественным деятелем, является беспрецедентной, тем более в контексте предыдущего развития взаимоотношений между Францией и Ватиканом, так как галликанизм всегда был не только богословским течением, но находил чрезвычайно сочувственный отклик во всем французском обществе и в особенности у образованной, прогрессивной его части. Галликанизм расценивался во Франции практически как синоним патриотизма. Столь внезапная смена настроений элиты свидетельствует о том, что галликанизм явно утратил свои прежние, харизматические флюиды. Неслучайно римский куриальный кардинал Пакка (1756–1844) констатировал в своих мемуарах (1835), что французский клир наконец-то, спустя века, вернулся под сень Святого престола. По его словам, такой поворот случился «благодаря» революции: «многие представители самых прославленных семей Парижа и Франции, до революции известные населению как неверующие философы, чей образ мышления казался совершенно нерелигиозным, пораженные страшным уроком этих событий, проявили добрую волю к возврату в религию, и не только жили, как добрые христиане, но все их усилия были в пользу религии и церкви»¹³.

Критикуя галликанизм, де Местр обличал также практику проведения церковных соборов, столь популярных в современной ему Франции. По его мнению, на заре христианства периодический созыв соборов был обоснован по причине малого

количества верующих и церковных общин. Исходя из этого, он констатировал, что в новое время такие соборы «превратились в химеру», созывать их чрезвычайно сложно и в этом нет необходимости. «Церковные соборы, – писал автор, – не решают ничего категорично ... они создают столь большие неудобства, что не могут являться орудием Провидения»¹⁴.

В контексте анализа трактата Ж. М. де Местр следует особо отметить, что автор обосновывал необходимость и законность светской власти римского первосвященника тем, что власть папы римского, как любая власть, не должна оспариваться, в противном случае это чревато социальными и политическими катастрофами, которые не выгодны ни одному из участников общественного процесса. Основываясь на этом, де Местр считал необходимым признать непогрешимость папы римского, причем не только как первосвященника и духовного лидера, а в первую очередь, как светского владыки. «Когда мы говорим, – утверждал автор трактата, – что Церковь является непогрешимой, мы, важно отметить, не имеем в виду какие-либо особые привилегии; мы говорим только, что она имеет право пользоваться общим правом всех возможных суверенитетов, которые обязательно выступают в качестве непогрешимых; потому что любое правительство является абсолютным; если же ему можно противостоять под предлогом ошибки или несправедливости, такое правительство более не может существовать»¹⁵. Иными словами, Ж. М. де Местр толкует «непогрешимость» не в теологическом, богословском смысле, как некое качество, дарованное Господом через посредство Святого Духа, а в «земном», утилитарном и юридическом. Сама идея обоснования религии не духовными потребностями, а общественной пользой не являлась новаторством Ж. М. де Местра. Его современник, популярный философ и политический деятель виконт Луи Габриэль Амбруаз де Бональд (1754–1840), также констатировал: «До сих пор религия рассматривалась как [духовная] потребность человека; время взглянуть на нее, как на общественную пользу»¹⁶. Подобная методология в сфере религиоведения вскоре получила широкое признание и надолго стала определяющей в литературе, науке и общественной мысли Европы.

Одним из немногих современников, кому изначально удалось ухватить глубинную суть сочинений Шатобриана и де Местра, является ещё один француз – Фелисите де Ламенне (1782–1854). Важно подчеркнуть, что из-за светского духа своих сочинений он был лишен сана аббата и даже отлучен от церкви.

Судьба Ламенне привлекает внимание своей неординарностью: вплоть до пятидесяти лет он оставался бескомпромиссным ультрароялистом и ультрамонтаном, т. е. являлся «большим папистом, чем сам папа». В одном из своих произведений он с восхищением писал, характеризуя заключение конкордата Наполеона Бонапарта и папы Пия VII

(1801), «...преемник св. Петра был единственным судьей в том, чего требовала польза церкви. Как верховный глава папской и источник юрисдикции, он открыл новые каналы для того, чтобы оплодотворить древнюю церковь Галлии, основанную его предшественниками. Никогда еще наместники Иисуса Христа не проявляли своей власти с таким блеском, никогда еще они не выказывали столь великого и блестящего авторитета»¹⁷. В эпоху Реставрации папа Лев XII (1760–1829) намеревался даже включить Ламенне в состав коллегии кардиналов, а французское государство, напротив, подвергло его судебному преследованию за антиправительственные и ультраклерикальные взгляды.

В 1817–1823 гг. Ламенне издал «Эссе о безразличии в отношении религии» (в 4 частях), которое вызвало широкий общественный резонанс. Автор утверждал: бедой современного общества является индифферентизм, т. е. безразличие к религии. Он полагал, что новейшие литературные произведения также проникнуты духом безверия. По мнению Ламенне, именно индифферентизм, захвативший не только общество, но и клир, стал причиной разложения умов и социально-политического хаоса. Впрочем, говоря об этом, Ламенне опровергает самого себя, доказывая истинность католической веры и христианства с помощью обычных, «земных» аргументов. Например, тем, что истинная церковь является универсальной и, следовательно, поскольку ни одна другая церковная организация универсальностью «похвалиться» не может, только Католическая церковь является истинной. Другие, не менее убедительные аргументы для автора – это длительность существования и славная история РКЦ, а так же, как и у Ж. М. де Местра, – общественная польза религии¹⁸.

В 1830 году Ламенне основывает журнал «L'Avenir» («Будущее»), на страницах которого выступает за свободу совести, печати и союзов, отделение церкви от государства, а также за отказ церкви от государственного содержания. Столь резкая перемена во «вчерашнем ультрамонтане» была воспринята в Ватикане практически как личное оскорбление. 15 августа 1832 года папа Григорий XVI выпустил энциклику «Mirari vos» («Вы удивляетесь»). В этом послании он осудил саму доктрину либерализма: «Сие – триумф безудержной злобы, бесстыдной учености и безграничной распущенности. Святыя вещи презренны, и величие Божественного культа, столь же могущественное, как и необходимое, подвержено хуле, профанации и насмешкам порочных людей. Отсюда извращение здравого учения и дерзновенное распространение заблуждений всякого рода»¹⁹. В своей энциклике, надеясь на раскаяние аббата, папа не называет имени Ламенне, хотя сам мятежный священник и либерал по духу даже получил персональный экземпляр послания с приложенным к нему сопроводительным письмом. Однако примирения не состоялось. Более того, в 1834 г. в «Индекс запрещенных книг» Ватиканом

была включена брошюра «Слово верующего» того же автора.

В целом папская энциклика «Mirari vos» явилась знаковой для первой половины XIX века. В ней Католическая церковь отразила свое видение реальности и определенно высказалась по всем насущным на тот момент вопросам. Этот документ на несколько десятилетий определил политику церкви по отношению к идеям модерна. Григорий XVI предавал анафеме всех, кто выступал за свободу слова и печати. Он утверждал: «Опыт с глубокой древности показывает, что государства, блиставшие своими богатством, могуществом, славой, погибли через одно сие зло, чрезмерную свободу мнений, распущенность речей и любовь к новшествам»²⁰. Негативно высказался папа и об отделении церкви от государства. По его мнению, этого желают лишь враги общественного порядка, так как сращение религии и государственной власти помогает обрести стране благополучие. Одной из основных мыслей энциклики «Mirari vos» является напоминание о приоритете церковной власти, под которой подразумевалась власть римского первосвященника, над светской. Таким образом, антилиберальная энциклика стала важной вехой в развитии отношений между РКЦ и общественностью европейских стран на протяжении нескольких десятилетий XIX столетия.

В конце жизненного пути Ламенне становится защитником радикально-социалистических идей. При этом он опровергает иерархичность церкви, являющуюся существенной чертой римско-католического христианства, и защищает свободу совести, против которой так горячо выступал в молодые годы будучи священнослужителем. Небезынтересно, что сам Ламенне никогда не считал себя «перебежчиком», и к либерализму как философской концепции относился резко отрицательно, считая христианство основой основ и истиной. По его утверждению, «крутой разворот» объяснялся тем, что вследствие приобретенного жизненного опыта он сам лишь несколько «уточнил» курс, не меняя при этом направления. Одним из таких «уточнений» у Ламенне являлась трансформация прежнего отношения к светской власти пап. В 1841 году он писал о своей поездке в Ватикан: «...одно обстоятельство меня поразило в Риме. Когда дело идет об общих принципах христианства, о богословских или философских мнениях, здесь обдумывают всё, рассуждают обо всем с полным спокойствием, с беспристрастной холодностью, которая несколько походит на индифферентизм. Но раз дело идет о правах папы, об его авторитете, особенно о светских интересах понтификата, эти люди, столь бесстрашные, внезапно оживляются: их лица покрываются краской, их речи воспламеняются страстью – словом, это совсем другие люди»²¹. Впоследствии в письме к другу и единомышленнику Монталамберу (с которым позже они все же разошлись во взглядах на католицизм) Ламенне назвал современную ему церковь «политической системой под маской религии»²². В конце

концов, Ламенне был сурово наказан за свои взгляды отлучением, что, однако, не помешало ему создать нечто вроде философского кружка, имевшего определенный авторитет в обществе, и до последнего вздоха считать себя истинно верующим. И вновь нельзя не отметить парадокса: идеи, за которые Ламенне отлучили от церкви, спустя полвека будут использовать сама Католическая церковь²³, так как именно «мятежный» аббат, сам того не подозревая, предстал основоположником католического социализма – идейно-философского учения, взятого на вооружение Ватиканом в конце XIX столетия.

Итак, появившиеся в первые десятилетия XIX столетия светские религиозные трактаты (Шатобриан, де Местр, де Бональд, Ламенне) сыграли важнейшую и даже определяющую роль в последующей судьбе РКЦ. Наполненные по содержанию преклонением перед христианством и Католической церковью, а также призванные, как полагали их авторы, способствовать восхищению католицизмом, в реалии, данные сочинения пробудили настроения секуляризма. Уж слишком далёкой оказалась подлинная суть этих произведений от ортодоксальных церковных догм и так называемого «церковного духа».

Примечания

- 1 Шюц А. Возвращающийся домой // Избранное : мир, святящийся смыслом. М., 2004. С. 550.
- 2 Шюц А. Чужак // Избранное : мир, святящийся смыслом. М., 2004. С. 536.
- 3 Memoires et correspondance inedites du general Dumouriez : in 2 т. Т. 1. Paris : Eugene Renduel, 1834. P. 239.
- 4 Cit by: Müller. Die Entwicklung des Ultramontanismus und seine Stellung in Deutschland. Kiel : Universitäts Buchhandlung, 1902. S. 48.
- 5 Archbishop Manning. Inaugural Address, Session 1866–7 // Essays Religion And Literature by Various Writers / ed. by Archbishop Manning. London : Longmans, Green And Co, 1867. P. 8.
- 6 Ultramontanism // Encyclopedia Britannica. (11th ed.) 1911 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thefullwiki.org> (дата обращения: 14.11.2015).
- 7 De Chateaubriand. Genie du christianisme. Tome troisieme. Paris : Imprimerie de Beaule et Jubin, 1837. P. 261.
- 8 De Chateaubriand. Genie du christianisme. Tome premier. Paris : Imprimerie de Beaule et Jubin, 1837. P. 15.
- 9 Симонова Л. А. «Гений христианства» Ф. Р. де Шатобриана – первый манифест французского романтизма // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2012. № 3. С. 108.
- 10 Ультрамонтанизм – идеологическое течение в католицизме, выступающее за примат Папы перед Соборами и обосновывающее непреложность верховной светской власти римского первосвященника. Часто употребляется также для характеристики литературных произведений ярко выраженного клерикального характера.
- 11 Maistre J. de. Du Pape. Tome premier. Lyon : Chez Rusand, Libraire, Imprimeur Du Roi; Paris : Chez Beaucé-Busand, Libraires, 1819. P. 9.
- 12 Maistre, J. de. De L'église Gallicane dans son rapport avec le Souverain Pontife // Oeuvres. Tournai de J. Casterman et Fils, Libraires-Éditeurs. P. 84.
- 13 Cardinal Pacca. Mémoires. Tome premier. Paris : Ladvocat, Libraire, 1835. P. 329.
- 14 Maistre J. de. Du Pape... P. 16.
- 15 Ibid. P. 2.
- 16 Bonald, M. de. Theorie du pouvoir politique et religieux dans la societe civile, demontree par le raisonnement et par l'histoire // Oeuvres completes de M. de Bonald. Tome premier. Paris : S'imprime et se vend chez J.-P. Migne editeur, 1859. P. 294.
- 17 Цит. по: Арсеньев И. Ультрамонтанское движение в XIX столетии, до Ватиканского собора (1869–70) включительно. Харьков : Типография Губернского Правления, 1895. С. 54.
- 18 Lamennais, F. de. Essai sur l'indifférence en matière de religion. Tome premier. Paris : Carnier Frères, Libuaiues-Éditeurs. P. 157–158.
- 19 Папа Григорий XVI. Окружное послание «Mirari vos» // Официальный ресурс Священнического Братства Святого Пия X [Электронный ресурс]. URL: <http://fsspx.of.by.ru> (дата обращения: 14.11.2015).
- 20 Папа Григорий XVI. Окружное послание «Mirari vos».
- 21 Цит. по: Котляревский С. А. Ламенне и новейший католицизм. М. : Товарищество скоропечатника А. А. Левенсона, 1904. С. 299.
- 22 Котляревский С. А. Ламенне и новейший католицизм... С. 322.
- 23 Archambault J. – P. La question sociale et nos devoirs de catholiques. Montreal : École Sociale Populaire, 1917. P. 15.